

БЕРТ ГУРТУЕВ

НАВСТРЕЧУ ЛИВНЮ

СТИХИ И ПОЭМА

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С БАЛКАРСКОГО
РИММЫ КАЗАКОВОЙ

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЛЬБРУС» НАЛЬЧИК 1972

ЩЕДРОСТЬ

Эй, добрый путник, погоди!
Мой дом открыт для гостя,
И сад навстречу, погляди,
Протягивает гроздья.

Потом ты свой продолжишь путь,
Но прежде нужен отдых.
Прошу тебя, кунак, вдохнуть
Наш благодатный воздух.

Глотнуть домашнего вина
Из дружеского рога,
А без него вдвойне длинна
Покажется дорога.

Так проводи в дому моем
Час краткого досуга.
Мы за столом с тобой споем,
Как два старинных друга.

Гость дому счастье принесет,
И рад ему хозяин.
Входи! Недаром мой народ
Гостеприимством славен.

НАВСТРЕЧУ ЛИВНЮ

К скале, дрожа, зеленый куст притник —
Она жестка, как высохший чурек.
И, высунув серебряный язык,
По каменному руслу мчит Черек.

Все громче шепот листьев в тишине:
В нем — страх, и удивленье, и укор.
В ущелье, как джигит на скакуне,
Гарцует вестник ливня, ветер гор.

Плывут, сгущаясь, клубы черных туч.
В их очертаньях — смутная печаль.
И прячет солнце в них последний луч,
Как робкая невеста — под вуаль.

Вокруг все ожидания полно,
Напряжено сомненьем немоты.
Но молнии тревожное пятно
Вдруг осветило камни и кусты.

И грянул гром, как будто собрались
Сто великанов в схватке на горе,
И небеса на землю пролились,
Купая землю в чистом серебре.

И те кому поэзия — сестра,
Заслышав эхо молодых громов,

Как на огонь веселого костра,
Навстречу ливню вышли из домов.

А ливень землю радостно поит,
И пьет она, торжественно тиха.
И в переливах радужных парит
Созвездье капель — строчкою стиха.

Сплелись и шум реки, и гром, и гул
Гор, позабытых прежней тишиной.
И в благодатном гуде потонул
Весь обновленный ливнем край родной.

Как дерзок он, воды и ветра спор!
Поэт, тебе пойдет все это впрок.
Спеши навстречу ливню, к ветру гор,
Чтоб свежестью повеяло от строк.

ПОДАРКИ

Сощурившись в молодость, вижу
Военной зимы снегопад.
Из прошлой метели все ближе
Подходит знакомый солдат.

Поземка висит маскхалатом,
И в спину мешок ему врос...
Он почту разносит солдатам,
Живой полковой Дед Мороз.

Но здесь не хлопушки — снаряды,
И пули, а не конфетти.
Его ждут в окопах солдаты,
И, значит, он должен дойти.

Смерть рядом... С таким провожатым
Не стоит в дороге шутить...
Но должен своим адресатам
Почтарь все подарки вручить.

Вглядевшись в минувшее, вижу,
Как шагом, бегом и ползком,
Все ближе к окопам, все ближе
Солдат тот с заветным мешком.

Чтоб детством порадовать взрослых,
Он жизнью своей рисковал...

Ни разу — ни раньше, ни после —
Вот так я подарков не ждал.

Средь хаоса, снега и грома,
Над скромной посылкой склонясь,
Тепло довоенного дома
Почувствовал каждый из нас.

И взрослые рады, как дети,
Вдохнув мимолетный уют,
И прямо — упрямо! — к победе
Опять из окопов встают.

В ответ мы, таков уж порядок,
Дарящим дары свои шлем —
Нелегкий солдатский подарок:
За городом город берем.

И если на кратком привале
Махру мне предложит сосед,
Я знаю, соседу прислали
В подарок сегодня кисет.

Дороже редчайшего клада —
Да просто цены ему нет! —
Нехитрая радость солдата,
Военной расцветки кисет.

...Давно отгремели атаки.
И в памяти, и во сне...
Но вот фронтовые подарки
Все снятся по-прежнему мне.

«Я» И «МЫ»

Оберегая временный престиж,
Забыв, что у всего есть рубежи,
Неужто подлость подлому простишь,
Поверив безоглядно сладкой лжи?

Пока в почете ты и знаменит,
Пускай и не по праву, все равно, —
Стремись понять: тот, кто тебя чернит,
Твой друг — или с врагами заодно?

Чем ты кичишься? Тем, что хвалит плут,
Что льстит тебе — открыто, напрямик?
Все, что сказал он, улыбаясь, т у т,
Переиначит т а м в единый миг.

Не стань рабом ни лести, ни хулы,
Учись делами измерять дела.
Пусть, даже и кружась от похвалы,
Не будет выше чести голова.

Нельзя не верить в жизни никому,
Но все еще встречаются у нас
Такие, что и к нищему в суму
Запустят свою руку, не стыдясь.

Со злом и фальшью не садись за стол,
Не полагай, что это пустяки.

И если ложь вцепилась в твой подол,
Подол без сожаленья отсеки.

Когда караешь, не руби с плеча,
Но подлого не бойся покарать.
Не потеряй рассудка сгоряча —
Разумней состоянье потерять.

Не торопись промолвить: «Решено!»,
Поспешным словом истину губя.
Пусть суть того, что изнутри черно,
Не спрячется побелкой от тебя.

Давно привык ты, раскрывая рот,
С «Я» начинать свою любую речь.
Не любит этой буквы наш народ,
И ты попробуй ею пренебречь.

Поверь, нашли не худшие умы
Замену ей. Так в чем же цель твоя?
Везде, где было «Я», ставь смело «Мы»:
«Мы» — коллектив, «Мы» — верные друзья.

И если будешь предан всей душой
Всем тем, чье имя радостное «Мы»,
Пойдешь вперед дорогою большой
К добру и правде от безликой тьмы.

Туда, где, позабыв про ложь и лесть,
Останешься, счастливым став, навек,
Где непродажны совесть, ум и честь,
Где человек и вправду человек.

СТИХИ О СТИХАХ

Уж коль сравним талант с ружьем,
То надобно учесть:
Мы из ружья по цели бьем,
Когда в нем пуля есть.

И о стихах так говорят,
Когда их смысл толков.
Слова — наряд, а смысл — заряд
Талантливых стихов.

Во что наряжена строка?
Ее, сердца пленив,
Оденет умная рука
В цвета цветущих нив.

Ну а поет она о чем?
Чем ум в ней покорен?
В ней жизнь аула бьет ключом,
И не иссякнет он!

НЕДОПИСАННЫЙ СТИХ

Была атака.
Бил, не утихая,
Горячий, дымный ветер боя в грудь.
И я стихи прервал,
Как смерть — дыханье.
Прервал, чтоб дописать когда-нибудь.

Навстречу нам
Несли свинец и пламя,
Визжали танки, подминая нас,
Шли бомбовозы-хищники над нами,
С людей-мишеней
Не спуская глаз.

Но помню:
Свиста бомб почти не слыша,
Стреляли мы — и, струсив, враг бежал,
И уносили в тучи — выше, выше —
Чужие птицы
Сталь смертельных жал.

Перед глазами
Расплылись кругами
Трава и солнце бледное вдали.
Я слышал дрожь земли под сапогами —
Горелой,
Искореженной земли.

...Была атака.
Бил, не утихая,
Горячий, дымный ветер боя в грудь.
И я стихи прервал,
Как смерть — дыхание.
Прервал,
Но допишу когда-нибудь!

МОЯ ЗВЕЗДА

Ты в учебе и в работе
Первая всегда.
Ты на нашем небосводе —
Новая звезда.

Для тебя собрал цветы я,
Для моей звезды:
Золотые, молодые,
Стройные, как ты.

Под высоким, добрым светом
Черных глаз твоих
Не могу не быть поэтом,
Не писать о них.

Так безмерно ты прекрасна,
Что тебя боюсь...
Ты зовешься не напрасно
Именем Жулдуз! *

Но в своей небесной бездне,
Где — лишь синева,
Ты моей нехитрой песни
Выслушай слова.

* Звезда (балк.).

Что мне делать, я не знаю.
Кто тому виной,
Что, звезда моя земная,
Ты всегда со мной!

Ты проходишь стороною...
Почему? Куда?
Все равно всегда со мною
Ты, моя звезда.

ЧЕРНОБРОВАЯ ДОЯРКА

Я шофер, а ты доярка...
Ты печаль мою развей!
Нет дорожке мне подарка,
Чем твой взгляд из-под бровей.

Брови — ласточкины крылья.
Только я взгляну на них —
Встрепенулись, воспарили
Над сияньем глаз твоих.

Ни хором, ни кучи денег
Я тебе не посулю.
Но я — парень не бездельник
И притом тебя люблю.

Ты узнаешь: друг я верный —
В счастье и в беде любой.
Поступил я к вам на ферму,
Чтобы видеться с тобой...

Прояви же состраданье!
Отчего твой нрав суров?
Не приходишь на свиданье,
А идешь доить коров...

Может, взглядами подружек
Ты невольно смущена?

Но им тоже кто-то нужен
Так же, как ты мне нужна.

Нам таиться не пристало,
Ведь чисты у нас сердца.
И любовь моя простая
Откровенна до конца.

...Счастлив я. Обычный вечер.
Ветер. Небо, облака.
Но в руке моей трепещет
Твоя теплая рука.

Бесконечность разговора...
И теперь уверен я,
Что на свадьбу очень скоро
К нам с тобой придут друзья.

ЦВЕТЫ И ПЕСНИ

Цветы и песни есть у меня
Для радости и печали.
Цветы и песни — начало дня,
Все, что у нас вначале.

Цветы и песни... Чего-то нет
В букете моем, быть может.
Но если вижу чужой букет,
Зависть меня не гложет.

Цветы и песни... Песня моя,
Должно быть, иных скромнее.
Но по суровым дорогам я
Шагал не с кем-то, а с нею.

Цветы и песни... Если цветов
Нет у кого-то рядом,
Всегда свои я отдать готов,
Стать ему кровным братом.

Согрейся, неведомый друг, у огня
Братской моей любви!
Цветы и песни есть у меня —
Считай, что они твои.

ГОЛОС СУЛЕЙМАНА

Расправив крылья, к солнцу взмыл орел,
Тепло гнезда храня упругим телом.
Там, в небесах, свободу он обрел,
В бездонные высоты полетел он.

И слышу я, как крылья шелестят,
Хотя уже он скрыт большою тучей,
И жду, когда вернется он назад,
Неукротимый, вольный и могучий.

Вернется, утверждая торжество
Полета над бессилием тумана.
Он — нарт великий, я узнал его,
Поэта Дагестана, Сулеймана.

Жил на земле, любил, мечтал, творил
Седой певец, не сгорбленный годами,
Чей голос по-орлиному парил
Над гордыми кавказскими горами.

Когда мне слушать довелось его,
Как никогда уж не придется снова,
Не понял слова я ни одного
И все же понял смысл любого слова.

И ухо мне ласкал чужой язык,
Что был из звуков непривычных соткан,

И ощутил я, лишь напев возник,
Что он — о дружбе, чистой и высокой.

Промчались годы, и когда порой
Я с грустью четки лет перебираю,
Вновь, Сулейман, я слышу голос твой,
Я слышу песню — гимн родному краю.

Твой голос вечен, он не умирает!

□ □ □

Рассвело, опять рассвело.
Поле, словно бумага, бело.
Я черчу на нем письмена:
Буквы черные — семена.

У коня стальные бока,
Он похрапывает, топча
Землю, древнюю, как века,
Что податлива и горяча.

Конь мой, добрый свой труд верши,
Золотые стихи пиши,
Чтоб из строчек — борозд земли
Новой жизнью они взошли.

ОГОНЬ И ВОДА

Огонь смеялся над котлом с водой,
Грозя воде внезапную бедой:
«С тобой покончу я одним ударом.
Вот захочу — и сразу станешь паром!»

Вода вздохнула: «Уважаю власть...»
Вскипела — и на пламя пролилась.
И в тот же миг, наказанный судьбою,
Погас огонь, что был так горд собою.

ГОРОДА-ГЕРОИ

С чем мне сравнить герои-города?
Их слава не померкнет никогда.
И до сих пор враги еще дрожат,
Услышав: «Ленинград» и «Сталинград»

Одесса... Ты — не звук в моей судьбе.
Я еще в детстве слышал о тебе.
У стен твоих врагам не повезло:
В Одессе триста тысяч их легло.

Ты, Севастополь, часто снишься мне,
Но в мирной жизни, а не на войне.
Враги вопили: «Мы навеки здесь!»
Но где они? А ты, как прежде, есть.

Отчизною любимую храним,
Ты сам, как воин, охраняешь Крым.
Родимый дом отважных моряков,
Жемчужина страны — вот ты каков!

Все узится блокадное кольцо...
Я вижу, Ленинград, твоё лицо.
Морозы. Смерть. Обстрелы. Черный дым.
Но мы тебя врагу не отдадим!

Здесь возгласил Ильич Советов власть.
— Здесь кровь рабочей гвардии лилась.
И никогда фашистам не пройти,
Пока ты, Ленинград, на их пути!

Над Волгоградом — юная заря.
Но вспять пройдем пути календаря.
Вся Волга полыхает от огня.
Горит земля и плавится броня.

В кроваво-красных отблесках снега...
Но — на коленях армия врага!
Покорно поднимает руки вверх
Немецкий генерал — «сверхчеловек».

Фельдмаршалу печально сознавать,
Что честь мундира не отвоевать,
Что проигрыш неслыханно велик
И голову склонить ему велит.

Берлин трехдневным трауром объят.
Он будет помнить слово «Сталинград»,
По праву, алым пламенем горя,
Над Волгоградом — юная заря.

С чем мне сравнить герои-города?
Их слава бесконечно молода.
Друзья гордятся именами их,
Отважных современников своих.

Прекрасные герои-города
Живой легендой стали навсегда,
А для врагов, для подлых сил войны,
Их имена по-прежнему страшны!

ВЕДИ НАС, ПАРТИЯ!

Веди нас, партия, веди!
Идем во имя счастья мира
К тем дням, что светят впереди,
Вслед за тобой неутомимо.

Пусть недруги тебя хулят,
Вернуть мечтая день вчерашний,
Твой прозорливый, мудрый взгляд
Все устремленней, все бесстрашней.

Мы знаем холод и жару,
Нас время голодом пытало,
Мы не сгибались на ветру,
Мы тверже камня и металла.

Пройти сумеем все пути,
В беде твоей опорой будем.
Веди нас, партия, веди
И освещай дорогу людям!

Ты помнишь грозный час войны,
Когда на битву нас звала ты,
И встали мы, твои сыны,
Твои надежные солдаты.

Ты помнишь и победы час,
Салюты, радостные лица.

Родная партия, на нас
Всегда ты можешь положиться!

Пока сердца стучат в груди
Тобой взращенных поколений,
Веди нас, партия, веди
Дорогой, что открыл нам Ленин!

КОММУНИСТ

Коммунист для народа живет,
Для него сокрушая преграды,
Он идет без сомнений вперед
И не ждет благодарной награды.

Он из мира насилья и мглы
Строит мир, что насилья не знает.
Он тяжелые кандалы
С обреченных запястий сбивает.

Коммунист бескорыстен и чист,
Все судом своей совести судит.
«Это — ленинец, коммунист», —
Говорят с уважением люди.

Не страшна коммунисту скала,
Если вдруг на пути его встанет.
И какой бы она ни была,
Он ей кланяться в пояс не станет.

Пусть опасен и крут поворот,
Но во всем, как отважного сына,
Коммуниста поддержит народ —
Оттого велика его сила.

Равных в мужестве не найти,
Не сыскать ему равного в деле,
И не сбить коммуниста с пути
К благородной единственной цели.

ПОБЕДА

«К победе! За правое дело!» —
Кричали мы в грозных боях.
И знамя над нами летело —
Прострелянный пулями стяг.

И небо далекое плыло
В лучах этих яростных слов.
И столько за родину было
Положено светлых голов...

Мы мир от зверей отстояли,
Спасли мы отчизну свою,
И звезды над ней засияли
Победы, добытой в бою.

Вчера и Сегодня и Завтра
Пусть лучшее в жизни сольют.
Гремите, победные залпы!
Расцвечивай небо, салют!

Да здравствуют те, что не сдали
Ни пяди родимой земли,
Что страха в сраженьях не знали
И гордо по жизни прошли.

И сердце опять полетело
Туда, где, тверды до конца,

МЫ ВСЕ ПРЕГРАДЫ ОДОЛЕЕМ

Ты год от года сердцу все милее,
Многоязыкая республика моя,
И с каждым твоим новым юбилеем
Всегда так рад тебя поздравить я!

Быть может, есть края красивей где-то,
Но не затмить тебя им красотой.
Ты зеленью веселою одета,
И так прекрасен твой наряд простой!

И, к гордому величию природы
Прибавив труд, что славит край родной,
В долинах и в горах твои народы
Живут единой дружною семьей.

Мы все с тобой преграды одолеем,
Мой отчий дом, республика моя,
И с каждым твоим новым юбилеем
Еще не раз тебя поздравлю я!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

С рожденья завещано предками мне
Беречь каждый камень в родной стороне

Хранить чистоту ее чести,
Всегда быть во всем с нею вместе.

Немало я видел таких городов,
Где был бы и сыт и одет без трудов,

Но скромность родимого края
Милей чужеземного рая.

Где склон Минги-Тау в тумане плывет,
Издревле там добрый народ мой живет.

Там сакли стоят на уступах,
Вовеки врагу не доступных.

И вложено было немало труда,
Чтоб к самому небу взбирались стада,

И в скалы врубались мы, чтобы
Друзей приводили к нам тропы.

Преград для мечты человеческой нет:
Пронзил тьму веков электрический свет.

Где роги пастушьи трубили,
Гудят заводские турбины.

Живет мой народ, в свою землю влюблен.
Не знает ни горя, ни зависти он.

Соседям во всем помогает
И щедро друзей принимает.

Родная земля, ты — мой солнечный дом!
Я сам тебя создал упорным трудом.

И все мы, как знаешь сама ты, —
Твои сыновья и солдаты.

И призванный сердцем своим, не тобой,
Готов за тебя я на подвиг любой.

Твой праздник, рожденный победой,
Мне станет наградой бесценной.

МОРЕ

Под жгучим солнцем, сонное такое,
Застыло ты в серебряном покое.

Большое небо на волнах качая,
Ты не внимаешь даже крикам чаек.

А если разбушуешься однажды,
Найдется вряд ли кто-нибудь отважный,

Кто твоего не устрашится плена,
Кому и вправду — море по колено.

Но пусть над морем небо в черных тучах,
Благословляю гребни волн могучих.

И в штиль, и в шторм — всегда они красивы
На мой народ они похожи силой.

□ □ □

Бьется ветер в кустах, как бьются
Птицы в тесной клетке своей...
И, как перья их, остаются
Клочья снега среди ветвей.

Я сродни самому пророку —
Так столетне от инея сед.
Но бессильна поземка, поскольку,
Словно пух, подминаю снег.

Не вернула меня, не согнула,
Налетая со всех сторон...
И село, наконец, взглянуло
Ярким взглядом своих окон.

И забилося тревожно сердце.
Осторожно стучу в стекло...
На всю жизнь я могу отогреться,
Лишь взгляни на меня тепло!

ГОЛОС ПРИРОДЫ

От белых перьев
Проходу нет:
Это первый-препервый
Падает снег.
Можно землю сравнить
С человеком усталым,
Засыпающим под небывалым
Таким одеялом.

А зимний вечер
Сулит мороз,
Только сам он не верит
В суровый прогноз.
Я иду, размышляя,
Как мир этот зимний,
Иней, синий-пресиний,
Домой навсегда унести мне?

Ростки озимых
И каждый сад
В самых зимних-презимних
Нарядах стоят.
И припомнил я вдруг
Под киргизским рожденную небом
Поговорку: зима студит снегом —
Земля будет с хлебом.

Проходят пары... —
Роняют смех
И девчонки, и парни
На праздничный снег.
А деревья, как деды,
Снежным мехом одеты;
Так и будут стоять и дремать
Вплоть до самого лета.

Не видно неба,
И нет луны...
Тропы искрами снега
Освещены.
И сугробы поднялись,
На горы похожие, кстати.
Хорошо как — еще бы! —
По первому снегу плутать мне!

Но не обманет
Меня белизна, —
Очень скоро нагрянет
В горы весна.
Беспокойней не сыщешь
Весенней погоды,
Но весной лишь услышишь
Ликующий голос природы.

□ □ □

Юноша-балкарец с тонким станом,
Стол еще готовится пока,
Угощает путника айраном
Из коричневого бурдюка.

Чашу гость, усы потрогав, поднял,
Пригубил и осушил ее.
Жажду утолив айраном, понял:
Это — в мире лучшее питье.

□ □ □

Любви взаимной долгих слов не надо,
Слова умеют иногда солгать...
Любви всегда хватает только взгляда,
Чтоб о душе друг друга все понять.

Любовь не любит праздных разговоров:
Пространны словеса, как небеса...
Точнее всех оптических приборов
Друг в друга устремленные глаза.

ГУДУБЕК И МУХАРБИ

Стал завмагом хитрый Гудубек —
Все-таки добился своего!

Гудубек — он скользкий человек,
Лишь начальство жалуется.

Он перед начальством лебезит,
Даже если нет на то причин,
Но во взоре холодок сквозит,
Если только рядом с ним не чин.

Он считает: с теми связь крепи,
У кого портфель и кабинет.
Выше всех он ставит Мухарби.
Для него ни в чем отказа нет!

Мухарби жену к завмагу шлет
С просьбою: все сделать для жены.
И в глазах завмага тает лед,
И они почтения полны.

Если же он ей не угодит,
Вот тогда несдобровать ему:
В кабинет к начальству угодит
И уж там узнает, что к чему!

Время, как вода в реке, течет,
Не спеша меняя все вокруг:

То светло и солнышко печет,
И начальник — твой сердечный друг.

То мороз ударит вдруг такой,
Все живое в миг сковать грозя,
Что нельзя пошевелить рукой
Да и слова вымолвить нельзя!

Не спасет пылающая печь.
Ледяным чехлом одет гранит...
И начальства ледяная речь
Еще больше душу леденит...

Гудубек сегодня не в себе,
На работу нехотя идет.
Понимает он: в его судьбе
Неизбежен черный поворот.

Он румянощек, вполне здоров,
Но тоскою изведен вконец:
Для супруги Мухарби ковров
Не оставил сдуру он, глупец!

Может, взяткой Мухарби прельстить,
А когда подарки он возьмет,
От души прощенья попросить,
И, глядишь, — авось, и пронесет?..

Но пока завмаг дары копил, —
Нажил он их, ясно, не трудом, —

Мухарби с работы выгнан был,
Справедливым осужден судом.

Нить от вора к вору привела...
Вот беда — как на голову снег!
И пришлось завмагу сдать дела.
Так бесславно кончил Гудубек.

Да, народ недаром говорит,
Что на воре, кем бы ни был вор,
Шапка, как ни прячься он, горит,
И зовется тот костер — позор!

ХЛЕБ И ПЕСНЯ

На полях поспела кукуруза —
На просторах, солнцем залитых.
И корзинам тяжело от груза
Молодых початков золотых.

Сборщики довольны: ждет их отдых,
И початкам радостно за них,
И на их продолговатых мордах
Не сочтешь улыбок озорных.

Вот и я сегодня рад и весел,
Как и весь народ в моем селе.
Много хлеба,— значит, много песен,
Много счастья на родной земле.

ДЕПУТАТ

За прямоту твою и честный труд
Тебя в Советы люди изберут.
Ты нас не подведешь, мы это знаем.
Нам дорог твой совет, твой мудрый суд.

Что означает слово депутат?
Слуга народа, что сильнее стократ,
Чем все, болеет за дела народа
И быть во всем ему полезным рад.

Тебе, наш друг, мы верим до конца,
Как доверяем опыту отца,
Как следует заветам материнским,
Мы поверяем по тебе сердца.

Колхоз и школа, стройка и завод —
Везде в тебе нуждается народ.
Во всех своих делах, больших и малых,
Тебя всегда на помощь он зовет.

Ты — впереди, ты — признанный вожак,
И, на тебя равняясь, как на флаг,
К свершениям великим и победам
Идем, не отставая ни на шаг.

ПЕРВОМАЙ

Как от зари, от флагов ало.
Улыбок улицы полны.
И смотрит Ленин с пьедестала
На праздник мира и весны.

Течет по площади рекою
Народ, счастливый без прикрас.
И бронзовой своей рукою
Ильич благословляет нас.

РОДНИК

Нет на небе ни облачка... Жара.
Иду, от долгой жажды сам не свой,
И на плечах как будто бы — гора,
И голод, словно холод, скулы свел.

Но вдруг — среди высокогорных круч
Течет родник, и я спросил его:
— Скажи, не ты ли — тот заветный кл
От старых сказок детства моего?..

Звенит вода, шуршит вода, бежит
По смуглоте шлифованных камней,
Как зеркало — красавицу, манит
Глотнуть воды из прапрапрошлых дней

Я, шляпу сняв, живую воду пью,
К желанному источнику припав,
И возвращаю молодость свою,
Усталость, как вторую шляпу, сняв.

Иду по малахитовой траве,
И снова стали легкими шаги,
Отчетливыми — мысли в голове...
За это горцы славят родники.

Родник мой небывалой чистоты,
Не ты ли в сказках окрылял коня,

И вот сейчас, родник, разве не ты
В пути нелегком поддержал меня?

О чем звенишь, куда, родник, спешишь,
Где ждет тебя счастливая из рек,
Кого еще в дороге напоишь?
Прощай. Мне не забыть тебя вовек.

ЮРИЮ ГАГАРИНУ

Ты — первый в мире человек-звезда,
Сын родины моей обыкновенный.
Ты видел реки, горы, города
Глазами восхищенными Вселенной.

Плыла Земля, прекрасна, как цветок,
Неузнаваема — и так знакома.
Ты совершил вокруг нее виток
И приземлился в лучшей точке — дома.

Твой подвиг не забудется вовек,
Как подвиги народа боевые.
Я счастлив, что советский человек
Дорогу в космос проложил впервые.

Тобою восхищен весь шар земной —
Людей объединило это чувство:
Для каждого отныне ты — родной,
И без твоей улыбки небо пусто.

Я заклинаю невесомость строк
Стать под моим пером строфой привета
В котором зарифмован твой «Восток» —
Счастливейшей находкой для поэта.

Восток... Он возвещает нам восход.
Полет «Востока» возвестил народам,

то счастья им желает наш народ
од мирным, безмятежным небосводом.

любви—сердцам, расцвета—всем садам,
гибели любым ненастьям века.

ими же, Юрий, горский мой салам!
нем — гордость за тебя, за Человека.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Был сначала колыбельной
Для меня язык родной.
Был ты просто картой белой,
Неоткрытою страной.

Песней материнской стал ты,
Первых звуков мой родник.
Выводил меня на старты
В жизнь и в творчество язык.

В детстве доброй был ты сказкой,
Мой исток и мой причал:
Я по азбуке балкарской
Сложность мира изучал.

Мед устам, настой целебный
Сердцу в дни великих бед,
Все прошел и уцелел ты,
Юн, как свет, как горы, сед.

Стар, как мир, широк, как море...
В море этом, знаю, я —
И при счастье, и при горе —
Рыба малая твоя.

Для врагов — тревогой трубной,
Для друзей звучишь зурной,

Самый легкий, самый трудный,
Самый близкий и родной.

Но еще, тобой владея,
Слово каждое трепля,
Есть такие грамотеи,
Недостойные тебя.

Их, кто болтовней пустою
Искажать тебя привык,
Ты накажешь немотою,
Справедливый мой язык.

□ □ □

Течет чистый ручеек из Тогай.
Ты его, скала, не толкай!

Как живой мальчишка, он бежит,
На равнину путь его лежит.

От течения стараясь не отстать,
Рыбки малые плывут — ему под стать.

Но, услышав звук неведомый один,
Ищут эти малыши больших глубин,

Чтобы им вдруг не попасть наверняка
В пасть разинутую сети рыбака.

И на дне они лежат, а наверху
Не везет никак с рыбалкой рыбаку.

Тот забросил с горя снасти, но потом
Браконьерствует безжалостным шестом

Бьет злодейски, не жалея он руки,
Прямо в детство этой маленькой реки.

ПОЭТ И ПЧЕЛА

Лишь только солнца позолота
Собой оденет все кругом,
Покинет свой медовый дом
Мохнатый электрон полета,
Хозяйка летних дней — пчела,
В пыли дорог — в пыльце цветочной...
И зарифмованы так точно
В пространстве два ее крыла.
Но все же, где бы ни была,
Она вернется в дом с нектаром,
В народе говорят недаром:
«Трудолюбивый, как пчела».
Работай счастливо, пчела:
Один цветок, десятый, сотый —
Чтоб мед светился в общих сотах,
Чтоб сытой вся семья была.
Поэт, весь мир — твоя семья,
Бедою болен ты чужою,
И я сравнил тебя с пчелою,
Узнав, как ищешь ты слова.

ШИПЫ РОЗЫ

По утрам в саду влажнеют розы —
Без конца на них смотреть готов:
Словно слезы — выпавшие росы,
Алые от алых лепестков.

Ароматом их окрашен воздух
В цвет неуловимого огня.
Словно есть магниты в этих розах —
Так и тянет к ним всегда меня.

Только все же уходить пора мне,
Ждут необходимые дела...
Розу, чтоб со мной весь день была,
Я сорвал и руку вдруг поранил.

Алые оставили следы
На руке моей ее занозы.
Для защиты хрупкой красоты
Щит шипов имеется у розы.

НЕБЛАГОДАРНОМУ ДРУГУ

Щенка кормил и был на страже
Его незащищенных прав.
И вырос пес. И он меня же
Облаял, больно покусав.

Я не решу простой задачи:
Собака — человека друг...
Зачем же поступила вдруг
Моя со мною по-собачьи?

□ □ □

Себя оценить можно твердо
Только глазами народа.

Не знает цены настоящей
Всегда о себе говорящий.

Он собственным именем занят,
А боли чужие не ранят.

В словах у него — половина
Пустого бахвальства павлина.

Народ над ним шутит и метко:
В цветах да не в ягодах ветка!

Всегда своей нужной работе
Оценку в народе найдете.

ТЫ ПОМНИШЬ...

Ты помнишь полный муки год,
Тот, что теперь уже неблизкий?
Мой друг, кому доверен код,
Тогда носил тебе записки.

Носил, а сам тебя просил
Стать для него женою верной,
А мне тебя превозносил,
Не мучаясь двойной изменой.

И, может, не было бы чуда,
Когда б не танец абизех¹.
Я не в сторонке, а при всех
Узнал тогда про ваши чувства.

¹ Танец, при котором парень имеет возможность разговаривать с девушкой.

ПОЖЕЛАНИЕ

Лето, позабыв про осень,
Празднует свои пиры.
Красный месяц — на подносе
Обезглавленной горы.

Будто кто-то ужин вкусный
Весь осилить сам не смог —
Вот и выбросил арбузный
Окровавленный кусок.

Глядя в небо, шепчет глухо:
— Месяц красный в вышине...—
Седовласая старуха,
Пожелав конца войне.

Пожелав, а ей виднее,
Чтоб желание сбылось,
Чтоб ни на земле, ни в небе
Больше крови не лилось.

Пожелав себе к тому же
В новом месяце опять
Ну хоть что-нибудь о муже
О воюющем узнать.

Тают льды на склонах гор,
Тают льды озер и рек...
Он не потому ли скор,
Мой проснувшийся Черек?

Мутит свои воды он,
Хочет на исходе тьмы
Досмотреть последний сон
Отступающей зимы.

Вновь приход весны трубят
Пастухи. Зиме конец!
В сердце — песня про тебя
Вырастает, как птенец.

И скворцы наперебой,
Радостью окрылены,
Гимн слагают голубой
Для тебя и для весны.

Неподвижно джигит
Предо мною лежит.

Я подсел к старику,
Он глазами зовет —
Непослушным стал,
Скованный старостью рот.

Но Чёпе повторяет
Попытки опять, —
Видно, важное что-то
Он должен сказать.

Знать, особенный смысл
Придает он словам...
Я почти припадаю
К остывшим губам.

И в последнем желании
Старый Чёпе
Вечный яд ожидания
Выбрал себе...

«Если с фронта вернутся
Мои сыновья
Или раннюю смерть их
Оплачет семья,

Знать хочу я,
Что делают в мире они,
Я услышу — ты лишь
Мне об этом шепни!»

Но могила Чёпе
Там, в степи, далеко
От Балкарии —
Не докричать до нее,

Исполняя последнюю волю,
Слова:
— Эй, Чёпе!
Возвратились твои сыновья!..

МОЙ АУЛ

Я не забуду, хотя стал седым:
Над Белою Речкою полз черный дым,

И, красною кровью обагрены,
Лежали казенные чабаны.

И было известно, чья в этом вина:
Лавиною с гор налетела война.

Седлали джигиты горячих коней, —
И ночь становилась в ауле длинней.

И гасли, аул мой, твои очаги,
Топтали чужие тебя сапоги.

И все тяжелела проклятая мгла
На небе твоём... Но надежда жила!

Хотя ты скитался в далеких краях,
И там оставался сынов твоих прах,

И многих сейчас аульчан с нами нет,
Но тьму победил торжествующий свет.

И снова ползут над тобою дымы —
Дымы очагов, что отстроили мы,

И вновь голоса над тобою звучат
Всегдашних хозяев — вчерашних солда

Где раньше скрипела воловья арба,
Автобуса ждет озорная толпа.

И новая жизнь по домам провела
Несущие солнечный свет провода.

Поет вечерами твоя молодежь,
И ты вместе с нею, аул мой, поешь.

Не зря сиротел ты, сражался, терпел, —
Как имя твое, путь твой светел теперь.

Одетый в метели, в лучи и в росу,
Всегда ты приветлив, аул мой Ак-Су!

С гостями умеешь вести разговор,
Нарзаны шипят у подножия гор.

Огни отражает родная река,
И стал ты похожим на город слегка.

Поэты твою воспевают красу,
Я тоже стихи тебе преподнесу,

Как первой возлюбленной в юном лесу
Веселый и добрый аул мой Ак-Су!

Без тебя мне жизни не было и нет:
Мое солнце — в глубине любимых глаз.
Ты вернула мне тобой плененный свет,
Лишь взглянула в тот, далекий, первый раз.

И совсем иною стала моя жизнь,
По совсем другому руслу потекла,
Лишь ладони наших верных рук сошлись
И слились в одно два маленьких тепла.

И куда бы ни вела меня судьба
По негаданной изменчивой тропе, —
Может, даже забывал я про себя,
Но зато повсюду помнил о тебе.

На лице твоём всегда читал ответ,
Все равно: везло мне или не везло...
В дни побед, в дни самых горьких бед
Грело сердце мне руки твоей тепло.

ТИХАЯ СТРАНА

Как склоны лилипутских гор,
На кладбище холмы могил.
Печально опустил я взор,
В молчанье голову склонил.

Как не похожи камни их!
И различаются вот так
Дома у нас, людей живых:
То мрамор, то простой чурбак.

Вот буквы золотом блестят,
Умелой вписаны рукой.
Читая их, порой стоят
На безымянной, на другой.

А под землю все равны:
В холодной беспросветной мгле
Одни и те же видят сны
О том, что нет их на земле.

Здесь тишина, словно струна,
В миг зазвучит, лишь прикоснись.
Но эта тихая страна
Настроена всегда на жизнь.

В тот вечер словно небо прохудилось:
Сто капель — как сто сабель на вершок
Мне никогда еще не приходилось
Увидеть, как за миг весь мир промок!

В автобусе слышны нам были всплески,
Хотя автобус — вовсе не ладья...
Вдруг ты возникла, как обрывок песни,
Как нота из мелодии дождя.

Я лишь взглянул в твое лицо — и сразу
Связала нас невидимая нить
Твоих бровей — двух строчек из приказа
Написанного, чтоб меня казнить.

Петля для исполнения приговора —
Две шелковистые твои косы...
Мне б убежать, а я прошу шофера:
— Сломай мотор на долгие часы!.. —

Чтоб только не ушла и не исчезла
Ты, говорил я мысленно дождю:
— Работай добросовестно и честно, —
Я с нею хоть две жизни подожду!

Но дождь прошел. Не помогло моление
И все же мне достался от дождя
Твой образ серебристого оленя,
Который подарила, уходя.

В ГОРАХ

Синие, не тающие льдины
На века одели склоны гор.
С высоты бросаются лавины,
Как сквозь сито, сквозь зеленый бор.

Осени не знающие кроны
Скрыли обнаженные стволы...
Это сосны и рододендроны
Распластали крылья, как орлы.

Сами же орлы, как самолеты,
Мимо туч и выше снежных круч
Бесконечные стремят полеты,
Маяком им служит солнца луч.

Ветру-путешественнику стелет
Ложке на ночь мягкая заба¹,
И свистит о чем-то желтый стебель,
Словно одинокая труба.

И береза в белом вся, как будто
Девушка из сказочных земель.
Ветви ели — вскинута бурка
Жениха, пришедшего за ней.

¹ Горная трава.

Водопады говорят про то, как
Там, внизу, вода меняет вид,
И серебряный галун потока
У Череха на груди блестит.

Заарканить зря Черек пыталась
Петлями своих ручьев гора:
Каждая ее петля осталась
В этом галуне из серебра.

Небо здесь искромсано клинками
Тех вершин, что выше всех клинков.
Туры где-то рядом с облаками —
Словно тени этих облаков.

А внизу, у самого подножья
Побелел весь от овец лесок...
Эхо гор весь день покорно множит
Сыбызгы¹ задорный голосок.

В это эхо часто, как тревога,
Вдруг врывается автогудок...
И петляет по горам дорога,
Будто сто дорог сплелись в клубок.

Шины склоны день-деньской утюжат:
Мотоцикл, автобус, грузовик...

¹ Самодельная свирель.

Наши горы с техникою дружат,
Как с безусым юношей — старик.

Поражает горная природа.
Только разве кто ее поймет
Лучше горцев, моего народа,
Кто в горах давным-давно живет?

Требует от них она терпенья,
Мужества... Но все же, как один,
Держат жители вершин равненье
На передний край — на жизнь равнин.

КОСУЛЯ

Через плечо ружье несущ,
Рассвет в пути опережая.
Иду в чинаровом лесу,
Где бродит цель моя живая.

Дошел я до солончака —
Лесного лакомства косули.
Здесь не уйдет наверняка
Она от меткой моей пули.

Желтеет старый солончак.
В кустах себе я выбрал место
И жду нетерпеливо, — так,
Как будто бы придет невеста.

И здесь догнал меня рассвет, —
Ночные звезды посерели,
И ветер смолк... Но нет и нет
Моей пугливой стройной цели.

И вдруг я увидал ее,
И оказался сам казненным,
И тихо опустил ружье:
Она пришла вдвоем с козленком.

Не в силах я в нее стрелять,
Бессильны порох мой и пуля:

Посмею ли убить я мать,
Пусть даже эта мать — косуля?

Косуля лижет солончак,
Ее дитя дрожит пугливо...
Я спуск нажал, и прозвучал
Прозрачный выстрел объектива.

Я не нарушил их покой,
Свободно пусть живут и дышат.
Хоть я охотник никакой,
Зато убийца никудышный!

С тобой под каштаном нас ливень застал,
Под крону его мы не прятались, но,
Хотя он старался и я помогал,
До нитки ты вымокла все равно.

Как в неводе — рыбка, ты в платье своем, —
Струится по стройному телу вода...
Стоишь перед нами: мной и дождем,
Глядишь виновато, дрожишь от стыда.

Я зря из ветвей мастерил тебе дом,
Едва ль он поможет при ливне таком...
Лишь туча зашла за ночной горизонт,
Домой мы с тобой пробирались тайком.

Когда повстречаемся снова в лесу,
Я, вспомнив, как ты была смущена,
Лохматую бурку с собой принесу, —
И туча любая тебе не страшна.

БЕКИРБИ

(В о с п о м и н а н и е)

Работал старый Бекирби
В тени орешника зеленой.
Он по скале кувалдой бил,
Как будто в кузнице каленой.

Пусть силы старика малы,
Не покладая рук трудился.
Покуда в трещину скалы
Котел чугунный не вместился.

Кувалду заменил на лом,
Кинжалом довершая дело,
И острый камень над котлом
Повис, обтесанный умело.

И пусть пока в котел течет
Лишь орошавший лоб без меры
Соленый стариковский пот,
Он все же не теряет веры.

Домой приходит Бекирби.
Он видит сон, подобный чуду:
Как на ветру — трава в степи,
Вода колышется повсюду.

И утро, тронув край ресниц,
Смахнув и тень сомнений прежних,
Особым щебетаньем птиц
В тот день наполнило орешник.

И Бекирби увидел вдруг,
Преображен улыбкой юной:
Скала из добрых белых рук
Поит водой котел чугунный!

Не дожил Бекирби до наших дней,
Но тем его упорный труд ценней,
Не знал водопровода Бекирби —
Из камня выжал воду Бекирби!

РУКИ СТАРОГО ХАСАНА

Руки старого Хасана
Не белы и не нежны,
Чтоб трудиться неустанно —
Быть бесстрашными должны.

Не бояться черной пыли
И жестокого огня...
Пребывают в полной силе,
Честь рабочую храня.

На одной набухла жила,
Шрам прошил другую вдруг...
Но ножи, подковы, шила —
Дело этих умных рук.

В кузницу приходит рано
Он, хозяин крепких рук.
Любят старого Хасана,
Почитают все вокруг.

Загубели его руки
На ветру горячих дней,
Но зато во всей округе
Не найдешь души нежней!

КУЛИНА

Полюбила парня Кулина,
И когда, как будто по заказу,
Он послал сватов, ждала она,
Что судьба ее решится сразу.

Только мать сказала: «Никогда!»
А отец, невесте сердце раня,
Будто постучалась в дом беда,
За кинжал схватился с грубой бранью.

Что же делать бедной Кулине?
Злое горе ей уста связало.
— Будь все так, как вы велите мне, —
Матери с отцом она сказала.

А сама Мурату знак дала,
Рассудив, что это будет проще...
И у родника его ждала,
В пятницу, в ольховой тихой роще.

Тот родник всегда влюбленным был
Лучшим другом — их свидетель тайный.
Жажду утолял и жаркий пыл
Остужал водой своей хрустальной.

Кулина стоит у родника,
Приобщенная к великой тайне,

И пылает каждая щека
Трепетным румянцем ожидания,

Начинает воду лить в ведро,
Черпая ее большою чашей,
Точно проливает серебро,
Им любясь, струйкою тончайшей.

Но ведро с дырой. Его нельзя,
Сколько ни трудись, наполнить влагой...
Проглядела дева все глаза,
Смущена сама своей отвагой:

Где ж Мурат?.. Да вот и он. Седло
Скакуна не тесно для влюбленных!
И, покинув отчее село,
Скрылись двое в зарослях зеленых.

Лишь ведро осталось у воды,
Что ему чуть донышко смочила.
...Мать растила дочь. За все труды
Что она, бедняга, получила?

Бесится отец, услышав весть,
Что с джигитом дочь его сбежала.
Как же! Оскорбили его честь.
Смоет этот стыд клинок кинжала...

Но нельзя похоронить весну,
Но родник не завалить землею.
И не удержать в плену луну,
И огня не погасить золою.

И цветком не станет плоть плода,
Возмечтав вдруг о пути попятном.
И не заарканить никогда
Звезд, горящих в небе необъятном!

□ □ □

И бык, хоть зол, корову не бодает.
И курицу петух не заклюет.

И жеребец кобылу не кусает.
Да и козел козу не задерет.

Осел не станет обижать ослицу.
Подругу пес не загрызет вовек...

Тебе же с ними даже не сравниться,
Пускай ты и зовешься — человек!

Ты бьешь жену — и это видят дети...
Бьешь ту, чье место — высший пьедестал!

Еще, попомни, будешь ты в ответе
За то, что хуже всякой твари стал.

Все дорогое попрано, помято.
Покрыто солнце непроглядной мглой.

А ведь когда-то мягким был, как мята...
Не надоело ль быть крапивой злой?

Ты знаешь, как она решалась трудно,
Не верила в медовые слова...

Как мог избрать ты жалкий жребий трутня,
Отдать на счастье гордые права?!

Быть может, ты и сам не понимаешь,
Когда вскипает безрассудно кровь:

Не женщину ты бьешь, а убиваешь
Свою неповторимую любовь.

Глаза твои добры, правдивы были...
Опять вот так же на нее взгляни!

Пока еще не все они убили,
Одумайся! Любовь свою верни.

Так глаза твои нежны,
Так они приятны глазу,
Что, подобно дню весны,
Кружат голову мне сразу.

Как лицо твое бело!
Замираю, оробелый...
Так искателей влекло
К белым пятнам в тундре белой.

Зов моих надежд и снов,
Дух тревог и непокая,
Ты молчишь — и больше слов
Красноречие такое.

Пусть он труден, путь мечты, —
К морю катят воды реки...
Понимаешь, — только ты!
Только ты. Одна. Навеки.

ДОЖДЬ

Из-за гор, клубясь, теснясь,
Облака крадутся,
И, над нами наклонясь,
Грома не дождутся,

Чтобы весело и зло
На землю пролиться...
Наконец им повезло! —
Сколько дождь продлится?

Он еще совсем дитя,
Что его бояться?
Но мальчишки от дождя
Врассыпную мчатся.

Небо хмуро и темно
Над землею черной,
Как вечернее окно
С лампой не включенной.

Но едва прошита мгла
Молнией кривою,
И просторна, и светла
Даль над головою.

Я остался на лугу,
Где, нежны, кудрявы,

Как мальчишки на бегу,
В крупных каплях травы.

Где усталые цветы
В радостной отваге
Рвутся в небо, налиты
Жаждой чистой влаги.

Все до капельки вобрать
В лепестки решили!
...Зря мальчишки убегать
От дождя спешили.

Дождь — волшебная вода,
Вы себе заметьте.
От дождя растут всегда
И цветы, и дети.

Время, словно в детстве, мчи,
Счастье отмеряя!
Ты мочи меня, мочи,
Дождь родного края!

□ □ □

В новом доме окно, словно рама для гор...
И, хотя потянуло прохладой ночью,
Вел балкарец-старик о былом разговор,
К сквозняку повернувшись спокойной спиной.

Чтобы гость самый старший вдруг не заболел,
Кто-то встал, торопливо окно закрывая.
Но окно затворить аксакал не велел,
Чтоб дышать без конца ветром отчего края.

Он сказал: «Пусть бушуют в квартире ветра,
Прилетевшие с самой зеленой вершины.
Нам они не страшны: ведь бывала пора,
Когда так тосковали о них наши спины!..»

Мы целый день врага крушили,
Под вечер выбив из села...
Простая женщина в кувшине
Воды российской принесла.

И под ее горючим взглядом
Я вспомнил горное село...
А ей казалось, будто рядом
Стою не я, а сын ее...

Ушел давно... Его дорога,
Как и моя, равна войне.
Отозвалась ее тревога
Тревогой боевой во мне.

МАЛАХИТОВАЯ ГЕЛЕУ

Кто ковер разостлал под горой на равнине?
Поливают его щедро летние ливни.

Но, как только рассеются черные тучи,
Он становится в миг от лучей еще лучше.

И не счесть в малахитовом море росинок —
Будто кто-то из девушек бусы рассыпал.

В каждой бусинке светит, играет, смеется,
Как дитя после слез, после дождика — солнце.

В детстве эта гелеу была мне постелью,
С ней я радость делил и любую потерю.

В жизни столько дорог я прошел по гелеу!
На полях фронтовых ты, гелеу, горела...

То косили тебя, то арба подминала,
Только голову ты все равно поднимала!

На судьбу на мою ты, гелеу, похожа.
Мне не надо иной. Оставайся такой же!

ЖУЛДУЗХАН

(Поэма)

1. Немые свидетели

Кавказские горы, вершины седые,
Бесстрастные, древние и молодые,
Суровые — как на посту боевом,
В кудрях облаков и в снегу вековом...

Сдувая завесу густого тумана,
Все видите вы с высоты без обмана.
И голосом эха в буран и в грозу
Ведете беседы о том, что внизу.

Холодной зимой вы, как мячик, друг другу
Швыряете злую голодную вьюгу.
Кого эти игры застигнут в пути,
Едва ли до дома сумеет дойти.

Я вырос в горах, и не раз я, бывало,
Слышал не без трепета грохот обвала.
Над горной тропой, когда к дому я брел,
Парил по-хозяйски плешивый орел.

Нередко меня здесь опасность встречала,
И все-таки ваша краса величава,
Кавказские горы! Встречая зарю,
Всегда с восхищением на вас я смотрю.

И тихая прелесть ночей ваших лунных,
И шелест деревьев, зеленых и юных,
И шум ваших рек — все таит непокой.
Как в мире изменчивой жизни людской.

Я знаю, откуда такая тревога;
Вы видели много, вы знаете много,
И жизнь ваша трудной и сложной была —
Недаром любая вершина бела.

Как часто бывает здесь ливень жестокий,
И мутные рушатся с неба потоки,
Сминая траву и ломая кусты,
Что жмутся бессильно в плену немоты!

Но вот их лавиною бурой умчало,
И горная речка начнет все сначала,
Чтоб снова, как встарь, после грозной грозы
Струилась вода в ней — светлее слезы.

Когда небеса не темны и не хмуры,
Пасутся на пастбищах мирные туры,
Но дула охотников помнят о них,
И нет им покоя на кручах родных.

И птицы, и звери знакомы здесь с детства
С сигналами бедствия, с ужасом бегства.
Но только ль животных издревле в горах
На тропах коварных преследовал страх?

Охотник был тоже песчинкою жалкой.
С кремневкою старой да острою палкой
Шел в горы отнюдь не за славой бедняк:
Затем, чтоб семью прокормить кое-как.

Недаром и в песне старинной поется:
«Охотнику больше других достается
Потерь и невзгод и немыслимых бед.
Несчастней людей, чем охотники, нет!»

Как запертый в клетку тюремную сокол,
В горах недоступных, высоко-высоко
Балкарский народ проживал с давних пор,
И был он до времени пленником гор.

Он скалы долбил, но тяжелые камни
Лишь только дрожали в ответ под руками
Да лоб орошал изнуряющий пот...
Хватало народу и прочих забот.

Он землю пахал: это было непросто —
Она камениста, жестка, как короста,
Но он, как умел, эту землю любил
И к скалам нехитрые сакли лепил.

Враги на него нападали, бывало,
И, дружно поднявшись, село отбивало
Ту землю, ту жизнь, что трудна и груба,
Но все ж это лучше, чем доля раба.

А если врагу выпадала удача,
Не горестной нотой покорного плача
Игрушки превратной судьбы боевой
Встречал мой народ этот час роковой.

Он силы тайком собирал воедино,
И с шеи срывал он ярмо господина.
Любой, кто оружие может держать,
Шел в бой, чтобы снова свободой дышать.

И против своих богатеев, бывало,
Народная сила стеною вставала.
И каждый скорей умереть был готов,
Чем жить недостойней скота — у скотов.

Что знаем о времени том невеселом?
Руками, зубами, березовым колом
Случалось господ моим предкам крушить
За право, такое бесспорное, — жить.

А было им трудно готовиться к битве:
Тела их избиты, а души забиты,
А руки в крови от незримых оков.
Гнетет их ярмо трех заклятых врагов:

Бог... Бедный вдвойне его слушаться должен,
Богач подчинения требует тоже...
Разбойник-сосед разоряет кого?
Конечно же, бедных людей, не его!

А что говорить о горянке несчастной?
Служанка слуги! В суете ежечасной,
Бесправна, под бдительным оком родни
Влачила она бесполезные дни.

Кавказские горы, вы видели много,
Вы знаете, как начиналась дорога,
Крутая, похожая на поворот,
Которой пришел к светлым дням мой народ.

Высокие звезды, вы помните также
Тех юных героев, веселых, отважных,
Чьи лучшие ночи прошли не в селе —
Под посвисты пуль, в громе боя, в седле!

Поток-песнетворец, мне песней поведай
О том, как знаком и с бедой, и с победой.
Не раз ты, поток, свое русло менял,
Когда тебя ветер беды догонял.

Мне видятся снова в воде твоей бурной
Бессильные плечи под черною буркой.
Немало джигитов — в твоей глубине.
Сердца их пробиты на давней войне.

А редко ли ты выносил на откосы
Из темного омута девичьи косы?
И мать, невменяемая от беды,
Бросалась за дочерью в бездну воды.

Холодные ветры, вы в трубах рыдали,
Вы вместе с людьми голодали, страдали.
Куда же теперь вы? Ответа я жду,
В какую тогда вы попали беду?

По ком вы так плакали, добрые ветры?
Кому шелестели печальные ветви?
Дерзнул я о помощи вас попросить,
Чтоб в нынешнем прошлого дни воскресить.

Немые свидетели, горы родные,
Луга, водопады, ручьи ледяные,
Ущелья, долины, тропинки, леса,
Проснитесь, подайте свои голоса!

Ты помнишь, река, как цеплялся руками
Джигит за траву, за кусты и за камень,
Но силы иссякли, спастись он не мог —
Привязанный к камню намокший комок...

Немые свидетели, шел против смерти
Народ мой... Так что ж вы молчите? Ответьте!
И вправду, вы немые, и вправду, глухи...
Но знаком вопроса не кончить стихи.

Я знаю, к кому обратиться с вопросом.
Спрошу я Октябрь мужиков и матросов,
Спрошу у балкарцев, своих земляков,
Спрошу я у партии большевиков.

Поеду в аулы, что все испытали,
Где люди и горе и радость видали,
Где память не сжег ураган огневой,
Где каждый старик — это опыт живой.

Расскажет он мне и старинные сказки
И то, как сражался народ наш балкарский,
Как кровь его щедро на землю лилась,
Чтоб стала навеки народной власть.

В одном из таких вот аулов бывалых,
Хранителей этих сокровищ немалых,
Пришлось говорить мне со старой Жулдуз.
Печальный хранит она в памяти груз!

Непросто о прожитом вспомнить старухе.
Но помнят ее узловатые руки,
Спина, что согнулась от бремени лет,
Что было, что сплыло, чего уже нет.

Поведала все, моей просьбе внимая,
И ей помогала природа немая
Сочувствием ветров и веток, и вод...
Пусть этот рассказ и для вас оживет.

2. Рассказ Жулдузхан

«...Зачем, сынок, бывшее ворошить?
Мы в памяти его подальше спрячем.
Дома пылали, страшно было жить,
И пахло гарью в воздухе горячем.

Настаиваешь? Ладно, так и быть,
Хотя мне странно это вспомнить даже.
Жила я в сакле... Да, чтоб не забыть,
Скажу: она черна была от сажи.

Наш дом был беден, надо понимать,
Но помню материнские уроки:
Всему меня учила строго мать,
Что женщина умеет на востоке.

Вздувать огонь, заквашивать айран,
Ткать полотно и прясть была должна я.
Беспрекословно, как велит коран,
Весь день трудиться, устали не зная.

Так жизнь прожить мне было суждено,
Хоть смутно по-иному жить хотелось,
И я вертелась, как веретено
В моих руках заученно вертелось.

Безрадостней, чем бесконечный пост.
Печальнее, чем солнце на закате,

Стелились дни к ногам моим, как холст,
Который я ткала на тауате ¹.

Трудились в поте, не щадя себя, —
И все-таки не стали мы богаты.
Но пробил час — к нему вела судьба —
И в дом наш бедный постучались сваты.

Робела я под взглядами мужчин,
Прощаясь с жизнью всей своей былою.
Они хвалили скромный мой хичин ²,
Мою бузу ³ тянули с похвалою.

Не знала я, чего мне ожидать,
Но, сколько ни старалась, не сумела
Улыбок их блудливых разгадать,
Из-под ресниц бросая взгляд несмело.

И в душу незаметно страх проник.
Но — что для них он, этот страх девичий?
А обо всем спросить их напрямик
Не позволял старинный наш обычай.

О, знать бы, что случится впереди,
Какая злая доля мне досталась!

¹ Самодельный деревянный ткацкий станок.

² Пирог.

³ Хмельная брага.

Ведь сватали меня за Кубади,
Чтоб за калым потешить его старость.

Отец и мать решили за меня
Мою судьбу, мне не сказав ни слова.
Была довольна сговором родня.
Жених не юн? Да что же тут такого!

Когда узнала, стал мне день — как ночь.
Напрасных слез я пролила немало.
Никто не мог беде моей помочь.
Родная мать меня не понимала!

Шли дни. Смирившись, тихо я ждала,
Угрюмая, бессильная и злая.
Ах, если б утопиться я могла,
Ах, если бы в огне сгореть могла я!

И не забыть мне рокового дня —
Он от других ничем отличен не был,
Но вдруг соседка вызвала меня,
И — словно на меня свалилось небо!

Наивная доверчивость моя,
Как никогда, в тот миг была не к месту.
В своих волненьях позабыла я,
Что есть обычай похищать невесту.

Еще не затворила я ворот,
Еще нога на землю не ступила,
Меня схватили и заткнули рот
И потащили... Несколько их было.

На помощь не успела я позвать,
Лишь «мама!» со слезами повторяла
Да пискнула, что нечем мне дышать,
И сразу же сознание потеряла.

Не час, не два в беспамятстве была.
Пришла в себя — и стало еще хуже.
Чей это дом, я сразу поняла
И вспомнила о ненавистном муже.

Свершившееся не сочтя бедой,
Считая, что все это неизбежно,
Отпаивали женщины водой
Меня, полузадушенную, нежно.

Внушали: «Ты теперь — его жена,
Смотри, наперекор — чтоб ни словечка!»
Потом ушли. Осталась я одна,
Как связанная бедная овечка.

Что было делать, горемычной, мне?
Где выход? Только нож, петля, отравы...
Вот так я оказалась в западне,
За сто земель от правды и от права!»

...Неспешно разговор ведет Жулдуз
О времени недобром и суровом.
Я молча ее слушаю: боюсь
Прервать рассказ неосторожным словом.

И светится в глазах ее душа,
Что верить и бороться не устала.
Жулдуз еще, как прежде, хороша,
Хоть голова серебряною стала.

Пусть изменили многое года,
И все же красота не уступила!
Да, видно, имя Жулдузхан — Звезда
Не зря дано ей при рожденье было.

Как жизнь свою прожить она б могла,
Когда б не цепи, нет которых тяжче!
В селе заметной девушкой была —
Приветливой, веселой, работающей.

Не стала летом нежная весна,
Растаял в небе свет обманный лунный...
Но многим людям помнилась она
Потом годами — той, далекой, юной.

3. Причина раздора

«...Если дочь, а не сына родишь,
Ох, недоброе, видно, случится!
Как собака, во двор угодишь,
Будешь выть у меня, как волчица!

Задуши свою подлую дочь,
Раз уж быть нерожденной нельзя ей,
Утопи ее в темную ночь! —
Так велю тебе я, твой хозяин.

А родишь мне мальчишку, тогда
Гордо шапку я к небу подброшу!
Вот тогда будешь вправду — звезда,
И увидишь, какой я хороший.

Пусть продам свой последний башлык,
Все ль богатство уйдет, половина —
Закачу на весь мир курманлык¹,
Ничего мне не жалко для сына!

Ну а — дочь... Задушу эту мразь,
Если снова девчонку посмеешь
Ты родить! Я и так уже всласть
От друзей натерпелся насмешек.

Так попробуй девчонку роди,
А не сына, желанного сына!
Что такое твой муж Кубади,
Ты узнаешь, — не будь я мужчина!»

Так жене Кубади угрожал,
Ей, бессильной, приказ повторяя.

¹ Жертвоприношение.

За ворота, взбешенный, бежал,
Как слепой, путь от злости теряя.

Но опять его жизнь подвела.
Вот окончились трудные роды:
Третью дочь Жулдузхан родила
По законам великой природы.

И тогда разразилась гроза!
Муж к жене виноватой подходит...
Кровью налиты злые глаза.
Как безумный, он ими поводит.

Ту, что в жены за деньги добыл:
Хороша, да — увы! — небогата,—
По лицу он безжалостно бил,
Будто вправду она виновата.

А потом он куда-то пропал...
Через месяц, помятый и пьяный,
Всю одежду свою истрепав,
Воротился — да не с покаянной.

За собою не чуя вины,
Жулдузхан попрекал он сурово
И на голову бедной жены
Сыпал громы и молнии снова.

А жена, и тиха, и скромна,
Одного лишь покоя хотела,
И могла ли подумать она,
Что пойдет он на подлое дело?

Разве сердце имел он в груди?
Нет, не сердце — змеиное жало!
Выгнал вон Жулдузхан Кубади,
Оттого что девчонок рожала.

Хоть в замужество злое свое
Напилась Жулдузхан горя вдосталь,
Дни и ночи терзало ее:
Что сулит ей позорное вдовство?

И не девушка — и не жена,
Жив отец — только сироты дети...
В отчий дом возвратилась она,
Робко в дверь постучав на рассвете.

Кто утешит ее? Кто поймет,
Примет беды ее и заботы?
...Когда выкачан, высосан мед,
Так бросают ненужные соты.

4. В отчем доме

Когда Жулдуз вернулась в отчий дом, —
Как с ним рассталась: не по доброй воле, —
Она родным поведала с трудом
Всю правду о своей печальной доле.

Мать слезы утирала под конец,
Ее рассказу грустному внимая.
Хватался за оружие отец,
Внезапное решение принимая.

Намаз, опомнясь, тут же совершал,
В своей молитве, горестной и длинной,
Как поступить, аллаха вопрошал,
И умолял его помочь невинной.

«Вели, чтоб передумал Кубади!
Раскается — карать его не надо.
А если не захочет — не щади:
В огонь его, на муки, в бездну ада!»

А помолясь, пошел он к эфенди
И, выразив почтение вначале,
Поведал о поступке Кубади,
О дочери, что в горе и в печали.

О том, что Кубади в ее судьбе
Повинен — и за то достоин кары...
Но эфенди не внял его мольбе,
И вот что от него услышал старый:

«Напрасно затеваешь ты скандал.
Не понимаю, что тебя тревожит?
Кому аллах не дал — тому не дал...
Семь раз жениться мусульманин может!»

Как будто в чем безвинно виноват —
Стал даже меньше ростом, сник, согнулся, —
Ни с чем убитый горем Бекболат
В свой бедный дом от эфенди вернулся.

Твердил: «В обиду дочь свою не дам,
Ей помогу во что бы то ни стало!»
И понял старый: не у тех, не там
Добра и справедливости искал он.

С тех пор, неясной думою томясь,
Стал он совсем иным, чем был дотол:е:
Не так усердно совершал намаз,
Все больше думал о бедняцкой доле.

О том, что старшина и бай, и суд
За бедняками вместе смотрят в оба
И паутину общую плетут,
В которой биться беднякам до гроба.

А Жулдузхан, придя в себя едва,
Тотчас познала бремя новой боли.
Что означает женщина-вдова?
«Разбитая тарелка — и не боле!»

Тяжелым стал когда-то стройный стан,
Взгляд погрузнел, пугливо плечи сжались.
Одни лишь только руки Жулдузхан
Без устали за жизнь ее сражались!

Трудились от темна и до темна,
То в поле, то у очага родного.
И постепенно обрела она
Благодаря им радость жизни снова.

Как ни горька была ее судьба,
Но, за другие, юные, в ответе,
Она теперь не только для себя —
Для дочерей жила на белом свете.

5. Комиссар

Однообразно дни летят,
Не избалованы удачей...
Но и до гор дошел Октябрь
И все вокруг переиначил.

Верша свой благородный труд,
Он новый путь открыл России,
И, как повсюду, так и тут
Трещит империя всесильных.

Так капля к капле и — река...
Слаба, когда — одна на свете
Рука, что кормит бедняка.
Но — если вместе руки эти?

Шумят дожди, ручьи... И вот
Из ручейков, из малых тучек,
Из тихих родниковых вод
Поток рождается могучий.

Один поток, другой поток
Летят друг к другу, с ветром споря...
И вот, как крохотный листок,
Уже корабль качает море.

Подобно морю, гнев людской
Обрушился волною грозной
На мир, отравленный тоской
И безысходной мукой слезной.

И солнце засияло тем,
Кто пребывал во тьме веками,
Кто был и слеп, и глух, и нем,
Как одинокий серый камень.

Очнулись люди и пошли
Под стягом, где сияло: «Ленин».
Большевики их повели
На бой решительный, последний.

Тому, кто притеснял народ,
Пришлось несладко в эту пору,
А бедняки, наоборот,
Пошли, как говорится, в гору.

Стоял в горах веселый гул...
Все было новым, небывалым.
И каждый маленький аул
Встречал зарю под флагом алым.

Теперь простые люди — знать,
На все — их власть, не чья-то милость.
Жулдуз теперь и не узнать:
Помолодела, распрямилась.

С подругами, а не одна.
Ни взглядов злых, ни чьей-то брани...
Как равная пришла она
С другими вместе на собрание.

И удивляя всех вокруг, —
К такому не привыкли люди —
Жулдуз заговорила вдруг:
«Пусть власть Советов вечной будет!

Мы больше не хотим страдать.
Поверив в нового приметы,
Я даже жизнь могу отдать
За Ленина и за Советы.

Нам Ленин самым дорогим
И самым близким стал по праву...»
Одни ей хлопали, другим
Все это было не по нраву.

Ворчали: «Знать, дела плохи,
И схватимся еще потом мы:
Полезли куры в петухи...
Долг женщин — хлопотать по дому!

Нет, женщину унять пора,
А то невесть чего захочет...»
Кулак известный, Мухарà,
Был недоволен больше прочих.

Он все ходил бочком, бочком,
Как будто бы кого боится,
И хрипловатым шепотком
Повсюду сеял небылицы.

На тех, кто робок, неумен,
Неудержимым водопадом
Обрушивал, коварный, он
Слова, пропитанные ядом.

Он подбирал ключи, как вор,
Ко всем, кто сомневался в чем-то,
И как колхозу дать отпор,
Уже давно продумал четко.

Лгал, нападал из-за угла,
То отходя, то наступая,
И жертвою всегда была
Душа забитая, слепая.

За дом, за землю, за свое,
Ничтожный, злобный кровопийца,
Готов он был, схватив ружье,
С народной властью насмерть биться.

Но люди не пошли за ним:
Ничто б их вспять не повернуло!
И навсегда он стал чужим
Для гор, для своего аула.

А вскоре прочь он прогнан был, —
Ждала ль судьба его иная?
И навсегда о нем забыл
Родной аул — земля родная.

Решили люди: «Мы одной
Семьею дружной жить желаем!»
А тут как раз из «Окружной»
Салих приехал с Николаем¹.

Сказали, что еще наш враг
Силен, хотя нас и боится.
Подробно объяснили, как
Стать комсомольцем и партийцем.

¹ Салих Кумуков и Ник. Виноградов —
руководители Балк. окркома партии в 30-х годах.

Еще совет был людям дан
Быстрой во всем забыть о старом.
Вот хорошо бы Жулдузхан
Аульским выбрать комиссаром...

Был кто-то этим удивлен:
Мужчины женщине подвластны?..
Но в основном со всех сторон
Кричали: «Правильно! Согласны!»

И смело Жулдузхан пошла
Путем неведомым и дерзким,
Как будто только начала
Жить с жадным любопытством детским.

Вступила в партию одной
Из первых — всех труднее первым,
И на земле своей родной
Была всем женщинам примером.

Ничуть ей прошлого не жаль,
Ничто в минувшем ей не мило!
На красную косынку шаль
Спокойно черную сменила.

Горда судьбой своей, трудом,
Всегда с народом, на народе,
Желанной гостьей в каждый дом
Аульский комиссар приходит.

То в сельсовете за столом —
В делах советчиком хорошим,
А если надо — и верхом
По дальним пастбищам и кошам.

Дела просты — и непросты,
Но каждое — ее отрада:
Налоги, горные мосты...
Все делает Жулдуз, как надо.

Там, далеко, где до сих пор
Лишь, быстроноги, крутороги,
Бродили туры, — в недрах гор —
Легли надежные дороги.

Но, строить людям приказав,
Чуть поджимать их станут сроки,
Жулдуз сама, лопату взяв,
С утра до вечера на стройке.

А жизнь, летит, полна чудес,
Светло, задорно, небывало!
Жулдуз окончила ликбез,
По-русски знает слов немало...

И новый интерес возник:
Открытий новых сердце просит!
Из магазина много книг
Теперь Жулдуз домой приносит.

Ждет столько счастья впереди!
А если трудности случались,
Ни разу с просьбой к Кубади
Уста Жулдуз не обращались.

Не позабыла, кто обрек
Ее на стыд и на лишенья...
И уж теперь совсем не мог
Ждать от Жулдуз он униженья.

Теперь-то всем она нужна,
И даже сваты рвут на части.
«Вот это — человек, жена!
А дети... Дети — только счастье!»

И зажила почти в раю
Жулдуз, — впрямь, юность ей вернули! —
Связав с Нюзюром жизнь свою —
Он был учителем в ауле.

Он дал покой и счастье ей,
Не то, что старый злобный деспот.
Он стал отцом для дочерей,
Забот отца лишенных с детства.

Он с ними ласков был всегда,
Как со своими, обращался,
И без подарков никогда
Домой Нюзюр не возвращался.

Отзывчив, никогда не хмур,
В игре и умной, и веселой
Учил их грамоте Ньюзюр
И рано подружил со школой.

И с кем бы, где бы ни бывал, —
А он весь день с людьми, учтите! —
Лишь доченьками называл
Своих приемышей учитель.

Не проклинал семейных уз —
Наоборот, семьей гордился...
А тут, представьте, у Жулдуз
Наследник, наконец, родился.

Все дни ее так хороши,
И отзвук прошлого — все глуше...
Друзья Ньюзюру от души
В честь сына натрепали уши.

Желали: «Пусть растет батыр,
Талантом и умом отмечен.
Пусть удивит собою мир,
Как дуб, могуч и долговечен!»

И только старый Кубади,
Как зверь затравленный, метался.
Он пламя зависти в груди
Напрасно погасить пытался.

Чередованьем дня и тьмы
Нам остаются в назиданье,
Как от расставшей зимы,
От прошлого — воспоминанья.

Так молодость Жулдуз прошла,
Но ей ушедших лет не жалко:
Бессмертны все ее дела,
Как комиссарская кожанка.

Грустить не стоит о былом,
Глотая старости отраву:
Когда горянки с каждым днем
Ее преумножают славу.

Одной дорогою идут,
Став равными теперь, с мужчиной.
Подвластны им наука, труд —
Берут вершину за вершиной.

Одной доверили колхоз,
Другая властвует над связью...
Да каждый их почетный пост
Смогу я перечислить разве?

Немало тружениц у нас,
Судьбой на Жулдузхан похожих.
И именно о них рассказ
В главе последней мы продолжим.

6. Дочери Жулдузхан

Были кручи, были тучи,
И туман, и ураган...
Сколько раз звездой падучей
Угасала Жулдузхан?

Не сломили душу горе
И обиды, и года.
В небесах дочерних зори
Светят счастьем навсегда.

Может лишь один садовник
Знать, каким он будет, сад.
Вот среди побегов новых
Гордость сада — Хафисат.

Учит ребятишек в школе,
С ними азбуку твердит...
Муж ее бригадой в поле —
Лучшею! — руководит.

Проклял Хафисат когда-то —
Разве дочь продолжит род? —
А теперь, седой, горбатый,
Кубади себя клянет.

Все, что у него осталось,
А богатству — грош цена, —
Одиночество и старость
Да горбатая спина.

А Жулдуз еще в расцвете,
Не в чем ей себя винить:
Вышли в люди ее дети,
Вот теперь-то —жить да жить.

Будто путь ее лишь начат,
Как у юных дочерей...
Рано стариться — понянчить
Надо внуков да скорей!

Проросло недаром семя
В дочерях, в успехах их:
Дочка средняя на ферме
Успевает за троих.

А для младшей слов не хватит
Ни соседям, ни стихам:
В белом докторском халате
Всяк узнает Майрусхан.

Я себе сравнить позволю
С добротой ее самой.
Майрусхан спешит по зову
Заслонить собою боль.

Ледники в горах сияют
Только лишь взойдет луна.
Среди звезд, что ночь рождает,
Выделяется одна.

Так средь девушек в селенье —
Скромный взгляд и стройный стан —
Самой лучшей без сомненья
Все считают Майрусхан.

Излучающая нежность,
Вам запомнится она.
Но не только эта внешность
Нашей Майрусхан дана.

Закалились ее руки,
Став преградой для хвороб.
Превратился в храм науки
Маленький девичий лоб.

И стоит она на страже,
Чтоб болезней сонм поник...
Не забудешь ее, даже
Если видел краткий миг.

Да, не зря с друзьями вместе
Дочерьми Жулдуз горда.
Вырастила нам созвездье
Эта горская звезда!

Ею день счастливый создан,
Хоть был путь к нему непрост...
Пусть же ярче светят звезды
На груди у наших звезд!

СОДЕРЖАНИЕ

+	✓	Щедрость	5
✓		Навстречу ливню <i>Кешикову</i>	6
✓		Подарки	8
		«Я» и «Мы»	11
✓		Стихи о стихах	14
+	✓	Недописанный стих	15
✓		Моя звезда <i>песня с нотами</i>	17
✓		Чернобровая доярка	19
✓		Цветы и песни <i>песня</i>	21
✓		Голос Сулеймана	22
✓		«Рассвело, опять рассвело...»	24
✓	+	Огонь и вода	25
✓		Города-герои	26
✓		Веди нас, партия!	28
✓		Коммунист	30
✓		Победа	31
✓		Мы все преграды одолеем	33
✓		Родная земля	34
✓		Море	36
+	✓	«Бьется ветер в кустах, как бьются...»	37
✓		Голос природы	38
✓		«Юноша-балкарец с тонким станом...»	40
+	✓	«Любви взаимной долгих слов не надо...»	41
✓		Гудубек и Мухарби	42
✓		Хлеб и песня	45
✓		Депутат	46
✓		Первомай	47
+	✓	Родник	48

Юрию Гагарину	50
Родной язык	52
«Течет чистый ручеек...»	54
Поэт и пчела	55
Шипы розы	56
Неблагодарному другу	57
«Себя оценить можно...»	58
Ты помнишь...	59
Пожелание	60
«Тают льды на склонах гор...»	61
Могила старого Чёпе	62
Мой аул	65
«Без тебя мне жизни не было и нет...»	68
Тихая страна	69
«В тот вечер словно небо прохудилось...»	70
В горах	71
Косуля	74
«С тобой под каштаном...»	76
Бекирби	77
Руки старого Хасана	79
Кулина	80
«И бык, хоть зол...»	83
«Тает снег, вздувая воды рек...»	85
«Так глаза твои нежны...»	86
Дождь	87
«В новом доме окно...»	89
«Мы целый день врага крушили...»	90
Малахитовая гелеу	91
Жулдузхан (поэма)	92

Ум как сраженье талого с рутью
или стихи о быках